

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЭНДОЭТНОНИМОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Зубков Евгений

кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков Университета Яна Кохановского в г. Кельце (Республика Польша).

ABSTRACT

The paper focuses on the process of borrowing of Polish and German argot words into the Russian criminal discourse and their use as endoethnonyms by felons. Special attention is drawn to further assimilation of these loanwords that leads to semantic fusion (correlation) of borrowings with primordial words in the borrowing language.

Key words: endoethnonym, borrowing, correlation, felon.

Представлена стаття присвячена дослідженню процесу запозичення польських і німецьких арготизмів в російський злочинний дискурс для використання у якості ендоетнонімів професіональними злочинцями. Особлива увага приділяється наступній асиміляції запозичених номінацій, котра приводить до семантичного зрощення (кореляції) іншомовних слів з власними словами запозичуючої мови.

Ключеві слова: ендоетнонім, запозичення, кореляція, професійний злочинець.

Przedstawiony artykuł poświęcony badaniu procesu zapożyczenia polskich i niemieckich argotyzmów dorosłyjskiego dyskursu przestępczego w celu następnego wykorzystania ich przez przestępców zawodowych jako endoetnonimów. Szczególną uwagę Autor poświęca późniejszej asymilacji zapożyczonych nominacji, która doprowadza do zrostów semantycznych (korelacji) słów zapożyczonych z rodzimymi słowami języka zapożyczającego.

Słowa kluczowe: endoetnonim, zapożyczenie, korelacja, przestępca zawodowy.

Целью представленной статьи является рассмотрение процесса заимствования польских и немецких арготизмов для самоназывания профессиональными преступниками в русский уголовный дискурс, причин этого процесса, последующей ассимиляции заимствованных номинатов, а также способов возникновения их сверхсловных производных. Реализация поставленной цели предусматривает решение двух задач: 1) доказательство использования ряда номинатов в качестве самоназваний профессиональными преступниками в русском уголовном дискурсе; 2) доказательство иноязычного происхождения данных номи-

натов. Особое внимание мы уделяем двум методологическим аспектам: а) отделению названия от самоназвания; б) смежному функционированию различных номинаций по отношению к одному и тому же субъекту уголовного дискурса.

В XIX веке по отношению к преступникам, в современности называемым «(воры) в законе», употреблялась номинация Иван (Непомнящий) [3:78-82]. Номинация Иван как макротопоним была призвана обосновать право на территорию, т.е. на всю Российскую империю, а Непомнящий означало, что индивид порывал со своими близкими и не помнил родства, за своих принимая не родных по крови, а «родных» по образу жизни (см. ниже). Для обоснования права на субтерриторию по отношению к «Иванам» применялись такие эндоэтнонимы и этниконы, как мазурик, жулик, хитровец, босяк, ракло, зимогор, галах (овец), горчичник и др. и ко всем — золоторотцы и босяки: добровольцы золотой роты босого батальона [15: 58-59]. П.Н. Тиханов выделяет золоторотцев (т.е. членов «(Золотой) Роты») из остального «босого батальона», показывая их главенствующую роль в преступном мире Российской империи. Подобное выделение отношений родовой-видовой мы встречаем и у В.В. Крестовского, также отделяющего членов «(Золотой) Роты» от «мазуриков» (профессиональных преступников в Санкт-Петербурге) [7: т.1, с. 101-102]. Присвоение этнонима, этникона, эндоэтнонима или топонима (наименования социума по месту) определенному преступному сообществу с целью доказать право на территорию, и как следствие — право собирать на «общак», не было чем-то необычным в XIX веке и ранее, не является таковым и сейчас — от узких топонимов таких как современные мазутинские, лазанские, бауманские, люберецкие, солнцевские и т.д. в Москве до более широких эндоэтнонимов, таких как красноярская братва, ассирийцы, славяне, чехи (чеченцы) и т.д. Для целей нашего исследования особую важность представляет отделение названия от самоназвания и принятие во внимание элемента языковой игры, который приводит к тому, что исследователь может добавлять свое отношение при прояснении этимологии, особенно этнонимов и этниконов золоторотцев: мазура проклятая, жулябия, голяки, мартышки, зимогоры («так как зимою-де им приходится горевать») [15: 58-59]. Вряд ли кто-то так будет сам себя называть. Исследователем были зафиксированы номинации по отношению к «золоторотцам», но это не были самоназвания, а выражения внешней оценочной характеристики, рассчитанной на комический эффект при выражении пренебрежения.

В конце XIX — начале XX веков исследователями фиксируются следующие эндоэтнонимы по отношению к интересующей нас дискурсной группе (т.е. преступникам с самым высоким криминальным статусом): номинат блат и его сверхсловные производные; номинат Закон (в значениях 'сообщество профессиональных преступников' и их 'религиозно-правовой кодекс') и его производные — предложная конструкция в законе, законник, законный (в современном значении 'профессиональный

преступник с самым высоким статусом') [2: 142]. Важным является смежное функционирование различных номинаций по отношению к одному и тому же субъекту уголовного дискурса. Например, в словарной статье «блатной» у Ж. Росси упомянута следующая информация: «[...] Блатной признает один лишь воровской закон (см. закон 1-6) и отвергает все прочие законы. Он презирает всех неблатных, в том числе и уголовников (ср. сучья война 1; 2). Все они рассматриваются как дичь, на которую у блатного неограниченное право охотиться [...]» [13: ч. 1: 33]. Мы видим, что в первой половине XX века номинации «блатной» и «(вор) в законе» были полиномами. Заметим, что современный сверхсловный номинат «(вор) в законе» является «милицейским определением»: современные «(воры) в законе» так себя не называют, а используют по отношению к себе именно старые номинации, т.е. законные воры, в законе, законники [6: 456]. Прилагательное воровской было добавлено позднее при ассимиляции заимствования Закон (этот вопрос рассмотрен ниже).

Следует указать, что фиксации номинаций из речи преступников исследователями предшествовало употребление в рамках сугубо преступной среды, возможно в течение нескольких десятилетий. В любом случае, старые номинации функционируют наряду с новыми: после фиксации исследователями инвариантного «(вор) в законе» продолжает употребляться в качестве варианта по отношению к некоторым субъектам уголовного дискурса старая номинация Иван, также Полтораивана [18]. В середине XX века (датировка условна в связи с проблемами фиксации) появляется номинация пацаны и сверхсловный номинат вор в короне для означивания самого высокого статуса в трехступенчатой иерархии «(воров) в законе» [5]. Мы видим, что приведенные эндоэтнонимы являются полиномами и большинство из них перешло без переосмысления из уголовного дискурса царской России в советский уголовный дискурс несмотря на принятие инвариантного эндоэтнонима вор.

Источники по-разному проясняют внутреннюю форму этих номинаций, и как следствие, вкладывают в них различные смыслы. Это вызвано непринятием во внимание диглоссии «как случаев владения несколькими прагматическими подъязыками в рамках одного этноязыка и, как следствие, владения ситуативно-стилистической синонимией, при которой различные знаки употребляются для денотативно параллельного, но ситуативно нетождественного наименования одного и того же объекта» [9]. Не вызывает сомнений отличное владение профессиональными преступниками иностранными языками, не говоря уже о их двуязычии и образованности [17: 70]. В процессе фиксации исследователями странных слов в речи преступников возникают проблемы, вызванные как дискурсивной омонимией в синхроническом аспекте, так семантическим сращением исконного слова с заимствованием в диахроническом аспекте. Такое семантическое сращение в процессе ассимиляции заимствования было названо корреляцией [11]. Корреляция имеет место при одновременном ослаблении связей по смыслу (по сходству) и усилении

связей по форме (по смежности).

Выше мы указали, что слово мазурик употреблялось по отношению к члену «(Золотой) Роты» в Санкт-Петербурге. В словаре М.А. Грачева и В.М. Мокиенко в словарной статье «мазурик и музыка» приведены немецкая (от нем. Mauser „воришка”, которое в свою очередь восходит к нем. Maus „мышь”), польская (от польск. „mazur” — житель мазурских болот у В.И. Даля), диалектная (как производного с суф. -ик от диал. мазура — „неряха, грязнуля, оборванец”) и социолектная (русское арготизированных элементов) версии происхождения слова, а также упомянуто о возможном происхождении от «офенских слов маз „я”, мазыка „офеня, торговец-ходебщик”. Эти же слова образовались от глаголов мазать „рисовать»» [3: 179-181]. Может показаться, что минимум три из них являются взаимоисключающими. В упоминаниях источников мы видим отнесение к трем польским дворянам, которые считались первыми основателями «(Золотой) Роты» [7: т.1, с. 101-102], или же ссыльным дворянам-повстанцам (что объясняет две возможные этимологии слова мазурик, т.е. и ‘поляк’, и ‘оборванец’ у В.И. Даля), мы замечаем уже существующее исконное слово маз (в значении ‘атаман’), с которым произошло семантическое сращение слова мазурик в значении ‘столичный преступник’ после основания «(Золотой) Роты». А принимая во внимание стремление мелких преступников позиционировать себя кем-то важным (в современности многие пытаются казаться «ворами в законе»), становится понятной вариативность прояснений внутренней формы в различных временных отрезках, т.е. также в значении ‘мелкий воришка’. За этимологический прототип мы принимаем как заимствование из немецкого, так и заимствование из польского мазур как ‘житель мазурских болот’. Ниже нами представлена польская версия (из немецкого опосредованно через польский) происхождения номината «(Золотая) Рота» в значении ‘высший судебный орган в преступном мире’, членами которой являлись мазурики, что является дополнительным свидетельством заимствования. Непонятность внутренней формы слова могла позволять в XIX веке соотносить новые словоупотребления с уже имеющимися и в меру собственных знаний о преступности их прояснять. Именно поэтому мы считаем все четыре версии обоснованными и несколько друг другу не противоречащими — в словоупотребление мазурик вкладывались различные смыслы в зависимости от приписываемых объекту номинации черт при фиксации, которая на несколько десятков лет могла отставать от появления нового словоупотребления. На момент фиксации разные слова уже могли быть ассимилированными и в них (как дискурсивные омонимы) мог вкладываться различный смысл, т.е. при одновременном ослаблении связей по смыслу (по сходству) и усилении связей по форме (по смежности) произошла корреляция исконных слов с заимствованием. Номинат мазурик, как и рассмотренные ниже номинат Рота и его сверхсловные производные, не перешли в русский уголовный дискурс советской эпохи.

Корреляцию исконного слова с заимствованием при одновременном ослаблении связей по смыслу (по сходству) и усилении связей по форме (по смежности) мы усматриваем для номината Рота и его сверхсловной производной Золотая Рота. Учитывая моделируемость семантического сращения при пробах прояснения внутренней формы непосвященными, мы предполагаем переход Рота > Золотая Рота > Закон > Воровской Закон, т.е. прибавление прилагательного при выходе номинации за пределы преступной среды. Мы не отрицаем, что во второй половине XIX и начале XX века внутренняя форма фразеологизма Золотая Рота в значении 'преступное сообщество' могла проясняться при соотнесении с цветом мундиров (красный с золотым) роты дворянских гренадер и ассоциациями с арестантскими ротами [14]. По нашему мнению, первоначально имело место заимствование из немецкого арго номината Рота (проясняющее значение 'верховный суд в преступном мире' и отнесение к красному цвету) и последующее семантическое сращение с исконным словом рота в значении 'присяга, клятва'. В пользу заимствования номината Рота в значениях 'высший воровской суд, сообщество профессиональных преступников с самым высоким статусом' из немецкого в русский уголовный дискурс (при опосредованном влиянии польского уголовного дискурса) свидетельствуют следующие языковые факты. В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (в отличие от позднейших словарей) упоминает о широком распространении «сравнительно старого» слова рота в значении 'присяга' и позднейших омонимичных производных рота (ротьба) в значении 'божба, клятва, клятьба' и рота в значении 'присяжная артель, дружина, товарищество'. Даль приводит также ряд производных номинатов:

«[...] ротники — уже в XII веке составляли в Новгороде дружины, 'дававшие старость своему роту'. Ротниками звались повольники, ушкуйники, вольница, шайки и артели.

ротное — пошлина с данной присяги (с пометой сущ.ср. стар.);
ротитель, ротительница — кто божится, клянется или присягает;
ротак — у кого привычка божаться и клясться» [4: 105].

В польском языке мы также встречаем слово Rota в значении 'присяга перед судом' (с пометой 'без ошибки в повторении присяги, поскольку ошибка вела к проигрышу процесса') [19: 463]. В тех же значениях, что и в словаре Даля, в словаре Брюкнера встречаются слова rotnik (ротник) и rotne (ротное) [там же]. Брюкнер считает необходимым вспомнить об употреблении номината Rota с XIV века «в польском звучании»(!) в судебных актах на латинском языке, совершенно игнорируя факт существования Rota Romana (Священная Римская Рота, Высший церковный суд в средневековой Европе), юрисдикция которой распространялась также на территорию Королевства Польского. Как указывает сам Брюкнер, «из-за отсутствия литовского соответствия первоначальную форму трудно установить» [там же]. «Отсутствие литовского соответ-

ствия» подтверждает наше предположение — Литва сопротивлялась сначала христианизации, потом католизации в Средневековье, поэтому юрисдикция *Rota Romana* на ее территорию не распространялась. В более позднем временном отрезке (в конце XVI века), когда в составе Речи Посполитой наступила окончательная католизация литовского населения (в том числе православных княжеских родов), *Rota Romana* уже потеряла свое значение высшего суда в религиозных и правовых вопросах.

В пользу нашего предположения о заимствовании арготизма *Rota* из немецкого языка в русский уголовный дискурс в значении 'верховный суд' свидетельствует семантика: в польском и русском языках слово *рота* выступало в значении 'присяга, клятва', но не в значении 'верховный суд'. Ротники себе (или начальнику) давали роту и следили за ее исполнением, тогда как золоторотцы присвоили себе прерогативу верховного суда в преступном мире. В немецком языке встречается лексическая единица *die Rota* как *die Rota Romana* — наивысший папский суд католической церкви [20: 716]. Встречается также *Rotuere* [там же: 717] как низшие слои общества, в немецком языке этимологически из латыни через французский с отметкой устаревшее, а также *Rotuerier* как соответствие русского золоторотца. Вполне обоснованным является предположение о этимологическом соотношении (Золотой) Роты с *die Rota Romana* и, как следствие, совершенно иные смыслы, которые вкладывались в употребление номинации (Золотая) Рота в уголовном дискурсе царской России. Об этом свидетельствует означивание как мелкого преступника, так и профессионального преступника с самым высоким криминальным статусом.

В пользу предположения о заимствовании из немецкого арго с последующим семантическим сращением с исконным словом номината «Рота» свидетельствует анализ иного арготизма в русском уголовном дискурсе, обойденного вниманием в источниках. Б.А. Ларин при анализе заимствованного из немецкого арго номината *галах* намекает на подобное происхождение (т.е. из древнееврейского через немецкое арго) номината *босяк*, но не обосновывает своих утверждений [8]. В немецком арго начала XVI века фиксируется семантическое сращение *rot boß* в значении 'пристанище для нищих' [21: 101]. Как и в случае арготизма «Рота», при образовании данного номината в значении 'профессиональный преступник' произошло семантическое сращение исконного слова (рус. *босой* в значении 'без обуви') с заимствованием (нем. *boß* > идиш. *bosak* в значении 'профессиональный нищий; не имеющий чести'). В пользу подобного предположения свидетельствуют следующие языковые факты: в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» мы не находим слова *босяк* [1], этого слова мы не встречаем также в словаре Даля в в словарной статье «босой» среди более чем 20 производных [4], в словаре Фасмера слово *босяк* также не зафиксировано [16]. Заметим, что в цитируемом выше источнике слово *босяк* активно употребляется

еще до «последней сербо-турецкой войны» в значении ‘профессиональный преступник’ [15]. В своем этимологическом словаре Брюкнер однозначно этимологизирует *bosy* как «*żydowskie*» (т.е. идиш) от «*bosinyu*» (недельный траур в иудаизме) и дает также вариант на *bosaka* в значении ‘босиком’ с пометкой «праслово» [19: 37]. Иными словами, Брюкнер заметил явление семантического сращения заимствования с исконным словом, т.е. корреляцию. Учитывая первичную фиксацию (начало XVI в.) в немецкоязычном пространстве сверхсловного номината *got boß* в значении ‘пристанище для нищих’, мы считаем обязательным согласиться с мнением Б.А. Ларина о заимствовании номината *босяк* из немецкого арго. Мы упоминали выше, что по отношению к верхушке преступного мира российской империи употреблялась номинация Иван Непомнящий. Если соотнести «*bosinyu*» (как недельный траур в талмудическом иудаизме) с клятвой (т.е. ротой) и заимствованием номинатов *Рота* и *босяк* из немецкого арго, то мы можем предположить, что этой клятвой была «Клятва Непомнящих родства» Салической правды. Тогда становится понятной мотивировка слова *босяк* в значении ‘не свой’ для остальных евреев. Если учесть, что *босяк* в конце XIX века был называем галахом (т.е. проявлял стереотипы поведения католического священника), золоторотцем и Иваном (проявляя некоторые стереотипы поведения православной суперэтнической системы), красным (не обязательно стремясь делиться с бедными) и мазуриком (т.е. столичным воров и поляком), мы получаем единственно непротиворечивую версию. Эта версия косвенно подтверждается взглядами на этимологию слова *блат* в этимологическом словаре М. Фасмера (само слово *блат* и производное от него *блатной* отсутствуют в словаре Даля). Его версия происхождения данного арготизма в русском — польский воровской язык, а точнее, заимствование из еврейско-немецкого через польский. Фасмер считает, что в основе его возникновения лежит идея укрывательства или посвящения [16: 172].

Мы считаем, что, как и в случае арготизма «*Рота*» в значениях ‘клятва, присяга’ и ‘верховный суд преступного мира’, в арготизме *Закон* в значениях ‘сообщество профессиональных преступников’ и ‘религиозно-правовой кодекс такого сообщества’ преступного мира’ произошло семантическое сращение исконного слова с заимствованием. Слово *Закон* в значении ‘сообщество профессиональных преступников’ было заимствовано из польского уголовного дискурса (пол. *zakon* 1 ‘религиозное братство, монашеский орден, в т.к. воинский’). При этом в польском языке функционирует также омонимическая лексема-историзм *zakon* 2 (‘община собирающихся нищих с очень строгими внутренними порядками’) [23: т. 4, с. 802] и архаизм *zakon* 3 (‘правило, право’) [19: 643-644]. Показательно, что в словаре В. Даля слово *закон* и все его производные (включая слово *законник* в значении ‘член религиозного братства’), относятся исключительно с правовым нормам, что явно свидетельствует в пользу того, что оба упоминания русского *закон*,

функционирующего в уголовном дискурсе, — ‘закрытое воровское сообщество’ и ‘воровская нормативная антисистема’ не связаны с собственно русской этнической картиной мира и являются заимствованными из польского языка. Идеологически в основании слов — польских *zakon 1* и *zakon 2*, а также русского *закон 1* (‘воровское сообщество’) лежит одна и та же мысль — социальная замкнутость, строгая внутренняя регуляция жизни, тесная сплоченность. Наши предположения подтверждаются справочной литературой. Например: «закон (Д) или (ДА) воровской закон — неписанный, но строго соблюдаемый закон преступного мира, продолжающий вековые традиции [...]» [13: ч. 1, с. 122]. Ж. Росси принимает условное обозначение (Д) для «специфически уголовное», а (А) как «народное» [там же: ч. 1, с. 7]. Следовательно, (ДА) следует понимать как «специфически уголовное» и «народное». Уже на основе этого мы можем высказать предположение, что первоначальной формой является Закон. Это предположение подтверждается значениями слова *zakon* в польском уголовном дискурсе: сообщество профессиональных преступников, их этос, судейский состав, профессия [22: 453]. На первоначальное отсутствие прилагательного воровской указывают также М.А. Грачев и В.М. Мокиенко: «сочетание в законе образовалось от арготизма *закон (воровской)*, — ‘правило, которое должен соблюдать профессиональный преступник» [3: 78-82]. Это сочетание в значении ‘сообщество профессиональных преступников’ никак не проясняется языковым стандартом русского языка (словом *закон*), так же, как и предложно-именная конструкция в законе (т.е. ‘в замкнутой системе правил и отношений’). Согласно русской языковой логике «в законе» значит ‘в своде юридических норм’ или ‘в формулировке’, что не имеет никакого отношения к фразе из уголовного дискурса в законе. Внутренняя форма слова *законник* в значении ‘член религиозного братства’ также проясняется только в польском языке, где слово *zakonnik* (‘монах, принадлежащий к ордену’) является общеупотребительным. В русском уголовном дискурсе XIX века отмечено употребление номинации *законник* по отношению к элите преступного мира в значении ‘знаток имперских законов и законов преступного мира’: «около законников своих новичок-арестант» [12: 91]. Выдающийся этнограф С.В. Максимов подчеркивает знание законов как гражданского общества, так и преступного мира, во избежание дискурсивной омонимии употребляя сверхсловный номинат бродяга-законник: «Ему ли, старому бродяге-законнику, не знать того, что шпицрутенов изломанной спине его не миновать. Он и число палок сосчитал вперед, не хуже любого законника» [там же: 96].

При рассмотрении процесса заимствования из польского уголовного дискурса в русский необходимо вспомнить о сверхсловном номинате вор в короне для означивания самого высокого статуса в преступной среде. Появление данной номинации вызвано признанием не всех «(вор) в законе» «своими» и равными себе польским, финским и прибалтийским преступным миром. Поскольку каждый «(вор) в законе» «коро-

нован», прояснение странностей семантики следует искать в польском языке, где w Koronie значит на территориях современных Польши, Литвы, Украины и Белоруссии, некогда входивших в состав Речи Посполитой (т.е. Korony) и после ее раздела вошедших в состав Российской империи. Польское происхождение имеет также самоназвание пацаны по отношению к блатным (в польском языке расап — уничижительное). А. Брюкнер связывает слово пацан с рас 'крыса' [19: 389] и ищет его происхождение в литовско-русинской языковой среде, что также может служить аргументом восхождения русского арготического пацан к польскому уголовному дискурсу.

Рассмотрение смежно функционирующих эндоэтнонимов по отношению к верхушке преступного мира Российской империи и перешедших без переосмысления в уголовный дискурс советской эпохи показало следующие заимствования: босяк, блат и его производные из немецкого; Закон (в значении 'сообщество профессиональных преступников'), в короне, в законе, законник (в значении 'член братства'), пацан и субстантивированное прилагательное законный из польского уголовного дискурса. Это свидетельствует о желании показать идеологическую преемственность посредством эндоэтнонима: если субъект дискурса называет себя христианином, католиком, православным, коммунистом и т.д., то таким образом сознательно манифестирует какую-либо идеологическую принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И., Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. в 10 томах. Том 1. М.: АН СССР Ин-т. рус. яз., 1988. — 530 с.
2. Балдаев Д.С., Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. М.: Кампана 1997. — 387с.
3. Грачев М.А., Мокиенко В.М., Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М.: Аст-пресс 2008. — 335с.
4. Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том 4. М.: Русский язык 1980. — 683с.
5. Зубков Е.А., «Масть» в уголовном дискурсе — атрибутивность и неразложимость синтагмы. // Studia Methodologica, Выпуск 34. Изд. Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, с. 267-280
6. Карышев В., Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России. М.: Эксмо 2005. — 540 с..
7. Крестовский В.В., Петербургские трущобы (книга о сытых и голодных) в 2-х томах. — Л.(СПб): Изд. Художественная литература 1990. т.1 — 702 с..2 — 799 с.
8. Ларин Б.А., Западноевропейские элементы русского воровского арга. // Язык и литература. Л. (СПб.) 1931. Т. 7. С. 113-130 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm>
9. Лещак С., Лещак О., Ономасеологический анализ сверхслов-

ных неидиоматических знаков в современном русском языке // Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej № 14, Kielce 2005, с. 151-167.

10. Лозовский В., Как выжить и провести время с пользой в тюрьме [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tyurem.net/mytext/how/001.htm>.

11. Люциньский К., Зубков Е., Нелитературные заимствования в немецкой и русской разговорной речи. // Respectus Philologicus №3 (8), Kowno-Kielce 2003, с. 130-141.

12. Максимов С.В., Сибирь и каторга. Часть первая (Архив русского сыска). М.: Директ-Медиа 2014. — 406 с..

13. Росси Ж., Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. 2-е, дополненное. М.: Просвет 1991. ч. 1 — 263е с.; ч. 2 — 546 с.

14. Словарная статья Золотая Рота // Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотая_Рота

15. Тиханов П.Н., Черниговские старцы: Псалки и криптоглоссон [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.br-vestnik.ru/tihanov/heritage/startsi/>

16. Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. Том 1. М.: «Прогресс» 1986. — 269 с.

17. Химик В.В., Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СпбГУ 2000. — 269 с.

18. Шаламов В., Сучья война // Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shalamov.ru/library/6/6.html>

19. Brückner A., Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa: Wiedza powszechna 1957. — 808 с..

20. Duden. Fremdwörterbuch. Band 5. Mannheim: Dudenverlag 1997. — 864 с.

21. Juette R., Boehncke H., Johannmeier R., Rotwelsch. Die Sprache der Bettler und Gauner. Köln: Prometh-Verlag 1987. —256 с.

22. Stępniaк K., Słownik gwar przestępczych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki (без года издания). — 490 с.

23. Uniwersalny słownik języka polskiego. Pod red. S. Dubisza. Warszawa 2003. — 5426 с.